Никита — городам бывалец, землям проходец

Жил-был Микита городам бывалеч, землям проходеч. Царь нанел его ко коро́ны итти за тридеветь земель, в тридевято царево. Пошол Микита, взял сухарьков. Шол-шол-шол, низко-ле, высоко-ле, близко-ле, далёко-ле, скоро скажитця, долго деитця — стоит дом большой. Зашол в дом, в доме нет никого, поро́зен стоит. Попил, поел, лёг на печку отдохнуть. Вдруг стукаютця. Забежал кривой старик. «Ах, руськой дух! Здрастуй, Микита городам бывалеч, землям проходеч». — «Здрастуй, дедушко». — «Ну, Микита городам бывалеч, землям проходеч, садись со мной, попируем». Микита отвечает: «Я того и рад». Старичок стол становил, питья-кушанья носил, садились пировать. Сидят, пьют-едят, кушают, розговор ведут. Микита спрашивает: «Давно-ле, дедушко, окривел?» — «А я недавно окривел, лет десяток». — «А я бы тебя вылечил». — «О-хо, да я таких и ищу, лечи». — «А есь-ли у тебя олово?» — «Есь». — «Натаскай в чугун, да в печь поставь». Дедушко сделал так. «Есь-ли ремни у тя? Надо тебя завязать крепко, тогда бельмо сбивать буду». — «Есь, есь, довольно». Притащил старик мату́гу ремней. «Пойдём в сени, я отведаю, тебя привежу, а ты отведай, сорвётся-ле»... Пошли в сени. Стал Микита старика ко столбу привязывать, ку́тал, ку́тал, за́вил кругом, много раз за́вил. «Ну-ко, отведай, тенись, мож-ле сорвать». Старик потенулса и со́рвал. «Ну ищэ тащи крепче, стану лечить, дак штобы не билса». Опять Микита стал ку́тать. Ку́тал, ку́тал. «Отведай-ко, рвись». Старик не мог боле сорватця. Вынел Микита чугун, подошол и плеснул в здоровой глаз. Старик закричал: «О, вор Микита! О, вор Микита!» Микита запре́тался от него в овешник. Старик сорвался и побежал за ним в овешник. Вы́свистал старик всех овец и Микиту у одного барана под брюхом. И кричит: «Прощай, дедушко!» А старик кричит: «О, вор Микита! О, вор Микита!»

Побежал Микита вперёд. Шол-шол-шол, стоит дом большой. Зашол в дом, девиця онна живёт. Вошол, поздоровался, а та и говорит: «Здраствуй, Микита — городам бывалец, землям проходец. Эк ты моего отца вылечил! От отца-то ушол, от меня не уйдёшь» (старик был дьявол, нечи́ста сила, нечи́ста сила и дочи его). Кормит, поит, пируют, столуют. Вот он у ей обжилса. Итти бы надо, итти не смеет, всё думат, как-ле утти. Живёт с ей го́д-поры и брюхо ей прижил. Жили, жили, она и сына родила́, а его и надзирать не стала. Истопила она ба́енку, пошли паритця и робёноцька

понесли парить. Парились. Она робёноцька с им и послала. Микита робёноцька принёс, да в зыбоцьку повалил, топорок ухватил, да побежал. И бежит. Она из байны пришла, робёноцька ухватила да и побежала за им. А Микита до рецьки добежал. Брести глубоко́, он оттю́кнул дерева два́-три, плота́к сплоти́л и за рецьку пехну́лса. Чем лишь отпихнулса, она и настигла его. «А, Микита — городам бывалец, землям проходец, убра́лса ты от меня». Робёнка броси́ла на́ землю, на голову́ стала, потенула за́ ноги, голову́ и сорвала, и бросила голову́ на плото́к. Плото́к тонуть стал. Микита как-ле, однако, перечапа́лса. И опеть пошол вперёд.

Идёт по чистому полю, по широкому раздолью, и опеть стоит дом великой, большой. Зашол он в дом, нет никого. Попил, поел, лёг на печку отдохнуть. Бежат два молодца. Забежали. «Ах, руськой дух. Здраствуй, Микита — городам бывалец, землям проходец! Так ты нашого отца вылечил? И сестру-то бросил? Ну от нас ты не уйдёшь. Ну слезавай, Микита, попить-поись, в карты поиграть». Микита и слез. Садилса с има́ за стол. По́пили-поели, стали в карты играть. Микита говорит: «Я не мастер, я не умею». А сам што-ле маленько и пои́грыват. И стал он их на́ймовать по коро́н сходить. Ну они и найтуютця: «Будешь, говорят, с нами жить всегда, дак принесём, достанем». — «Куда жо я деваюсь от вас? Деватця мне не́куды». Послали они одно́го по коро́н. Скоро сходил один по коро́н, достал. Принёс и опеть они пируют и в карты играть стали. В карты играют, а Микита думат утти. Ночью заспа́ли крепко. Микита — ши́м-шим, выбрался, убежал, и бежи не стой!

И бежит он по чистому полю и широкому роздолью. Дерутця лев и волк. Волк говорит: «О, Микита — городам бывалец, землям проходец, помоги лева-зверя победить, драгоценных каменьев дам». Лев-зверь говорит: «Пособи мне, Микита, куда хошь унесу». Пособил Микита ле́ву. Победили волка. Лев говорит: «Ну, Микита, садись на меня, плотне за́ уши держись». Микита заскочил, за́ уши поймалса. За ним пого́ня. Микита говорит: «Эй, шапка спала!» — «Где возьмёшь шапку, за сто вёрст осталась».

Притащил лев Микиту в свое царство и говорит: «Ну, Микита — городам бывалец, землям проходец, а ты не хвастай, што ехал на мне». Князь собрал тут пир, поил, кормил, Микиту напоил и коро́н получил, а Микита на пиру похвастал, што ехал на ле́ве-звере, да и спохватилса, запечалилса: «Лев-зверь меня убьёт». И уду́мал Микита взять вина сороковку (боцьку) и отвёз в чисто поле, лева-зверя хочет поить. Лев-зверь ходил, ходил и к сороковке пришол; пришол и натенулса вина и опьянел, повалилса, да и заспал.

Микита пошол, лев-зверь спит, храпит. Микита лева-зверя вязкам опутал. Лев-зверь спал, спал и пробудилса и себе удивилса: «Што же эко, неужли меня хмель запутал?» Худо-недобро — сорвалса. Микита приходит. «Зачем ты, Микита, мной хвастал? Я тебя убью». Микита стал извинятця: «Я был пьян». — «В за́боль ведь, я пьян-от был, дак хмель-от меня опу́тал, я одва и сорвалса». И простил лев Микиту.

(Ксения Поздеева)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.